

Алла Шарапова

Последняя среда

«Э.РА»

2012

Шарапова А. В.

Последняя среда / А. В. Шарапова — «Э.РА», 2012

Сборник стихотворений «Последняя среда» – одна из составляющих литературного проекта, инициаторами которого стали клуб «Последняя среда», оргкомитет премии «Живая литература», издательство «Э.РА» и литературный сайт Гуманитарного фонда «Подводная лодка».

© Шарапова А. В., 2012

© Э.РА, 2012

Содержание

Предисловие	5
Николай Аферов	6
* * *	6
* * *	7
* * *	8
* * *	9
* * *	10
* * *	11
* * *	12
Сергей Долгов	13
* * *	13
* * *	14
* * *	15
* * *	16
Последняя среда	17
* * *	18
* * *	19
* * *	20
* * *	21
* * *	22
* * *	23
Андрей Пустогаров	24
* * *	24
* * *	25
САМАРКАНД	26
* * *	27
* * *	28
ВЕЛАСКЕС. УТРО	29
КРАСНЫЙ ШТРИХ ГОГЕНА	30
* * *	31
ст. НОВОКУЗНЕЦКАЯ. ФРОЛОВ	32
ДОРОЖНАЯ	33
ВРОДЕ ЗАПОВІТА	34
* * *	35
СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК	36
ИИСУС-ДАЛЬНОБОЙЩИК	37
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЭЗИИ	39
Михиил Ромм	40
МОИ ДРУЗЬЯ	40
* * *	41
ПИНГ-ПОНГ В ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ	42
* * *	43
СУСАННА И СТАРЦЫ	44
МАРАТ БАБИН	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Общественное движение в
поддержку авторов некоммерческой
литературы представляет:
проект
Последняя среда
Книга первая
Составление – Андрей Пустогаров**

Предисловие

"Последняя среда" – название московского литературного клуба, собрания которого проходят в последнюю среду каждого месяца. Из стихов, звучавших на его вечерах, сложился этот сборник.

Сборник стихотворений "Последняя среда" – одна из составляющих литературного проекта, инициаторами которого стали клуб "Последняя среда", оргкомитет премии "Живая литература", издательство "Э.РА" и литературный сайт Гуманитарного фонда "Подводная лодка".

Проект этот ставит своей целью преодолеть бессодержательность и клишированность, господствующие в современной русской литературе. Он направлен на создание альтернативной независимой среды, которая стимулирует появление произведений, обладающих содержательной новизной, способных доставить читателю эстетическое удовольствие и поддержать в нем надежду.

На фоне общего кризиса культуры (в том числе гуманитарных наук и естествознания) задача эта представляется инициаторам проекта более чем своевременной.

В качестве комментария к стихам добавлены ответы авторов на следующие вопросы:

1. Что, помимо простого желания опубликоваться, побудило Вас принять участие в этом сборнике?
2. Чем, на Ваш взгляд, этот сборник отличается от других изданий подобного рода?
3. Как Вы оцениваете сегодняшнюю ситуацию в русской литературе?

А также статья Михаила Ромма.

Николай Аферов

* * *

Эта одинокая река
Ни во что не ставит берега.
По весне ударится в разлив,
Лето – сохнет, мели оголив.

Средь суровой северной зимы,
Когда в ямы прячутся сомы,
Выползала темная вода
На простор заснеженного льда.

И никто не мог уверен быть,
Где в ней мера и откуда прыть.
Видел я ее издалека.
Так себе, обычная река...

* * *

Листопад – слова на ветер,
Не поймешь – не повторят.
Лишь калитка скрипом петель
Ветру вторит все подряд.

Если в дом никто не ходит,
Он один ее поймет.
Он один ее заводит —
То отпустит, то прижмет...

* * *

За долгую снежную зиму
Три дворника в нашем дворе
Сорвали лопатами спину.
Последний пропал в январе.

Повсюду глубокие тропы,
И двор наш заснеженно-тих.
И кажется: это – окопы,
И дворники заняли их.

* * *

Дворник – это от Бога.
Дворик – это судьба.
Листопад – это много,
Снег – и вовсе труба.

Мы – всего лишь эстеты
В смене года времен,
По погоде одеты,
Нам не писан закон.

Под снежком улыбаться,
По листочкам гулять.
То, чем нам любоваться, —
Им еще убирать.

* * *

Говорят, здесь – злые бабы
И священник «голубой».
Мне ходить сюда пора бы,
Как к себе домой.

Обгрызая заусенцы,
В храме не плюют.
Христианские младенцы
Кровь Еврея пьют.

А еще кусками плоти
Заедают натошак.
Боже мой! Как вы живете!
Хорошо-то как!

* * *

Редкий случай – слушать дождь
В деревенском доме,
По дорогам не пройдешь,
Телевизор сломан.

Как зарядит дня на три
В стекла и по крыше,
От зари и до зари
Только он и слышен.

* * *

Когда еще по Волге пароходы
Колесные ходили – шлеп да шлеп,
И расклешенные штаны последней моды
Мели суглинок юрьевецких троп,

Когда на танцах пели под гитары,
И пары танцевали под оркестр, —
Работали приемы стеклотары,
И тут, и там полно укромных мест
Распить ноль семь, и фабрика гудела
На Первомай, – нарядные, с детьми
Спешили семьи к проходной, и пела
Людмила Зыкина в динамиках с семи:

«Издавека долго
Течет река Волга,
А мне – семнадцать лет...»

Уже тогда с ухмылкой туповатой
Я понимал – все кончится когда-то.
Все кончилось, и высохло весло.
И всем сполна – по первое число.

Сергей Долгов

* * *

Мне так легко начать
В классическом размере,
Зачем еще молчать
И повторять потери
Очередного дня,
Ни слова не храня?

Я начинаю снова,
За словом ставлю слово,
Ну, разом, словеса,
Тяните в небеса!
Но что-то не хотят,
Подбросил – не летят.

И только две строки,
Мешавшиеся прежде,
Не подают руки,
Но подают надежды.

* * *

Как долго копятся стихи,
Готовя голос к песне,
Они становятся легки
Почти уже на пенсии.

А там, как будто ни о чем,
Разбитые параличом,
И мудрость оказалась
Беспомощной, как старость.

* * *

Я уезжаю надолго
И по старинному чувству,
По ощущению долга
Я возвращаю искусству

Может, и вправду не густо,
Может быть, самую малость
Вечно того же искусства,
Чтобы оно не кончалось.

Я уезжаю надолго,
Не ожидаю восторга,
Просто, на память строка
Родине издалека.

Не получилось умней —
Хочется жить изначальней,
Перед рассветом – светлей,
Перед закатом – печальней.

За пеленою туманов,
За чередой обманов,
За облаками – река
Пересекает века.

Может быть, там не найду,
Дважды, совсем выпадая,
Злых унижений в аду
И богадельного рая.

* * *

Майе Карапетян

Держу в горсти, в ладошке
Сырой земли немножко,
Доверчиво растет
Ромашка и цветет
В руке, вот этой, верьте:
Нет абсолютной смерти.

Последняя среда

Пустогарову. Ромму. Ракитской

Слегка стихотворение
На сквозняке знобит:
Чужое измерение
В любой строке сквозит,

И как бы ни был занят,
Забит земной эфир,
Он постоянно нанят
В потусторонний мир.

Не спутник, не мобильный,
Не замогильный мир,
А путник и старинный,
Как у Платона, пир.

И круговая чаша
Пошла от губ к губам,
Как благодарность наша
Языческим богам.

* * *

Недолго и неспешно
И, слава Богу, грешно
Проходит жизнь страны,
В которой мы равны.

Не олигархи, крыши,
Разборки: чья, бля, выше,
Другая правит страсть:
Власть, чтобы честно красть.

Контрольный выстрел, и тогда
Невыспавшаяся звезда
Над ледяною веткой
Становится соседкой.
Неравенство умерших – вздор,
Отставить этот разговор.
Я не служил, и нет привычки
Делить на звезды и на лычки.

* * *

В январе звезды разного цвета,
Всех других удивительней эта,
Зеленеет звезда, и не страшно,
Даже если всегда безучастно,
Безучастно, почти без труда,
Ясно-ясно сияет звезда.
Пожелай мне, страна, доброй ночи,
Если прежде братва не замочит.

* * *

маме

Когда вовсю октябрь
Теряет чувство меры,
Мне протянули ямб,
Как яблоко от Евы.

И начал ворожить
И дорожить словами,
И стал иначе жить,
Сверяясь с небесами.

Стремясь, чтоб строчка под рукой
Плыла, как ива над рекой,
А если – ночка с месяцем,
Такая строчка светится.

И каждое словечко,
Как будто Богу свечка.
И рифма: мой трофей,
Отобранный у фей.

И то, что обожал
Единственно не зря,
Бесплатно, как пожар —
Вечерняя заря.

И неба синева
Вошла в стихотворение,
Даруя не слова,
Не славу – удивление.

* * *

Проклятье – не любить,
Как не писать стихи.
Я не сумею жить
Без этих двух стихий.

Когда бы вдруг смогли
Совпасть две лучших страсти,
Как в Вифлеем бы шли,
С дарами, видеть: счастье.

* * *

Мне хорошо на удивление,
Хотя всего, что есть у ночки:
Бесцеремонное храпение,
Сопровождающее строчки.

Ты нагло, безмятежно спишь.
Мне нравится... на самом деле.
Не потому, что ты храпишь,
А что храпишь в моей постели.

* * *

Не всякая рифма – в строку,
Не всякая жизнь дорога,
Не всякую мысль берегу —
Приблудная, издалека.

Такую нельзя любить,
С такой можно только пить,
Которая хуже отравы,
Которая вам – для расправы.

Андрей Пустогаров

* * *

я родился в Вифлееме в пещере
по дороге в Египет
сколько веры
было в моем крике кашле и сипе

я терял в стружке деревянных
солдати́ков
и глиняных птичек
ой мой край желтолицых лунатиков
лихорадок убийц истеричек

и в колосьях я ловил отголоски
рядом сроки второго Исхода
но я гладко любил строгать доски
и дожил до тридцать третьего года

и пришел человек из пустыни
говорил кто ест саранчу тот спасется
мне послышалось к Отцу иди сыне
я пошел и встретил женщину у колодца

и с места не смог сдвинуться как калека
пока в луже она мыла боты
и стал говорить суббота для человека
а не человек для субботы

у властей сдали нервы
я повис между двух алкоголиков
но с креста я взлетел первый
так что незачем было ломать голени

я спою сверху коляду
брате недужный
ни на кого не глядя
живи как тебе нужно

* * *

Марко спит под боком у верблюда,
как верблюд, неровно дышит утро.
Пригоршни несет оно кому-то
изумрудов, яшмы, перламутра.

Марко снятся кручи да сугробы,
Марко бы поспал еще немного,
но зовет, как Лазаря из гроба,
голос ветра или голос Бога.

Чтобы в Генуе, когда синичка,
как бубенчик, отзовется трелью,
города вдруг вспомнить, женщин, стычки,
как мониста, бусы, ожерелья.

Глядя сквозь тюремные решетки,
причитать, что нас с тобой случайно
жизнь забыла в пальцах, будто четки,
Рустичано, брат мой Рустичано...

САМАРКАНД

я цеплялся за миг тормозя тобой Азия
я колючкою цвета расцарапал зрачок
я забыл по какую я сторону глаза
пыхнув в степь желто-синей горелкою газа
день истек

открываю шершавую дыню
эта мякоть как сладкий наркоз
ворох звезд зажужжит над пустыней
словно рой растревоженных ос

а когда горло улицы хриплой
захлебнется вдруг резкой луной
из-под вяза кудрявые хиппи
будто ангелы выйдут за мной

* * *

так акации крона жестка
возле дома из глины и мела
по земле шарит жилистой тени рука
подбирая закатную мелочь

с хриплой степи цвета сносит прочь
гонят мрака стада катят ветра колеса
черным медом течет самаркандская ночь
и в глаза звезды жалят как осы

* * *

«...Александрович Серов
в этом доме жил и умер».
Две картины помню: в шуме
синих пенистых валов
едет к морю Навсикая,
стирка будет ей большая,
ветер светел и суров.
Деву бык везет в пучину,
сновидением дельфина
прочь скользит от берегов
Навсикая иль другая...
Я иду себе, гуляю.
...Александрович Серов...

ВЕЛАСКЕС. УТРО

В. Чернявскому

С мамой ты идешь в Севилье где-то,
но петух сквозь сон тебе горланит хрипло:
просыпайся и пиши портреты
всей семье Четвертого Филиппа.

Пляшут и поют твои собратья:
карлики, шуты, комедианты.
Ты кладешь по серой ткани платья
Маргарите розовые банты.

А в зрачки тебе пускает корни
цепкое безжалостное лето.
Что же ты, как скряга, пишешь в черном,
пьяный от несмешанного цвета?

Пьяному и море по колено,
пьяному границы все открыты...
Вот куплю билет, поеду в Вену
посмотреть инфанту Маргариту.

КРАСНЫЙ ШТРИХ ГОГЕНА

Повлажневшего воздуха свет —
синеватый, тугой, словно вена.
В этой желтой, и только, траве
вижу красные нити Гогена.

Это он свою ставит печать
на бурьяны, овраги и лозы,
научивший цвета различать.
Тонкий красный в глазу, как заноза...

На его красноватой траве
подгулявшие пляшут крестьяне
и такой занимается век,
от которого холодом тянет.

* * *

Красноногий привиделся аист
над сухою травой перелога,
и, с работы домой возвращаясь,
отчего-то я вспомнил Ван Гога.

По двору утром ездит железо,
я проснусь и пойду на работу.
Может быть, себе ухо отрезать?
Взять высокую желтую ноту.

ст. НОВОКУЗНЕЦКАЯ. ФРОЛОВ

Шатнется и лягнет сквозной перегон
в подземных ходах под горами.
Шагнешь из вагона на терпкий перрон —
с прожилкой коричневой мрамор.

Подземная речка тебя понесет,
в мелькании джинсов и маек,
глаза ненароком подымешь на свод
и видишь там небо мозаик.

На это цветенье огромных щедрот
ты снизу глядишь в высоту:
там в небе лазурном летит самолет
и поезд бежит по мосту.

Внизу поездов непрерывен черед,
здесь хватит железа и так-то.
Но в небе чугун из ковша кто-о льет,
и с неба спускается трактор.

А девушек руки срывают плоды
зеленых полуденных яблонь,
и в ласковом свете лепечут сады
и думаешь – рай тебе явлен.

И ты под сияньем небесных даров
идешь в мельтешенье и шуме...
В блокаду их делал Фролов.
Он сделал и умер.

ДОРОЖНАЯ

Безъязыкие земли, глухая судьба,
ковыли, украины, россии...
Горький пот утираешь со лба,
долго поезд стоит у столба,
затяжных перегонов мессия.

Забивает зрачок неподвижная ширь,
степь да степь неподъемна для глаза.
Водокачка, забор, КПП и пустырь —
край родной, узнаю тебя сразу.

Но едва теплый солнечный прут
сдвинет туч запыленные шторы,
сразу жить соглашаешься тут,
сразу сердце несется, как скорый.

Свежий ветер во весь разворот
да лазури удавшийся отжиг —
и короткая радость цветет
на усталой одежде прохожих.

ВРОДЕ ЗАПОВІТА

прабабушка моя рожденная на Днепре
отдыхает в земле предгорий
я же когда умре
хочу видеть море

в каталонскую лег бы степь
сетками разгороженную
под прибоя бас чаек рэп
оригинал тоже мне

* * *

ты думал что жить ты должен всегда
что добрый отец твой за облаками
но вот тебя настигает беда
и за тобой задвигают камень

и все разговоры про вечность обман
ты лишь передатчик курьер генокода
и ты обвисаешь как влажный туман
и в нем бредешь над свинцовыми водами

и ты заключаешь со смертью завет
пускай в глазах у ней коршуны кружат
но там за камнем движение и свет
и ты берешь и выходишь наружу

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Вчера я пошел в театр.
Попросил сын —
надо поддержать молодых актеров.
Играли Булгакова: «Бег».
Актерам в лучшем случае
было по двадцать пять.
И харАктерность не заслоняла сути происходящего.
Пьеса выходила страшная.
Стоп! – сказал я.
– А сколько было генералу Слащеву, когда он сказал:
«Я сдаю Крым»?
Я посмотрел в справочнике – 35.
Стоп! – сказал я. – А сколько было твоему деду,
когда майором он окончил войну в Вене?
Я смог сосчитать и без справочника – 32.
Стоп! – сказал я. – А сколько тебе сейчас? – 47.
И ты не взял ни Вену, ни Будапешт,
ни Бухарест, ни Белград.
Тебе просто повезло.
Ты не отступал до Москвы.
Ты не носил часы
циферблатом на внутреннюю сторону запястья.
Ты не ехал рядом с водителем в грузовике
навстречу победе по осенней Румынии,
свесив из окошка руку.
Солнечный зайчик от стекла над циферблатом
не попадал в глаза снайперу.
Пуля не попадала в циферблат.
Циферблат не спасал кость
и осколок не застревал навсегда
у большого пальца.
Поэтому вглядывайся,
как мерцает этот подаренный тебе воздух
начала зимы,
как отражается от стекол —
автомобилей, витрин и окон —
солнечный свет,
а за ним по пятам уже гонится рябая свора сумерек.
Все впереди:
и сдача Крыма,
и золотая румынская осень.
Время сжимается
и солнечный зайчик,
путая сроки и судьбы,
скачет с плеча на плечо.

ИИСУС-ДАЛЬНОБОЙЩИК

Он проповедовал списанным грузовикам,
брошенным на старых автобазах.
Он забирался в кабины,
отжимал сцепление, включал передачу,
упирался лбом в руль и говорил:
«Скоро Отец ваш Небесный,
который создал вас по образу своему и подобию,
воскресит вас всех.
Он зальет в ваши баки евробензин,
поставит новый аккумулятор,
заменит шины и подвеску,
масло и тормозную жидкость.
Вы будете ехать по асфальтированной дороге
с разметкой и работающими фонарями
и ангелы будут указывать вам путь,
быстро вращая полосатыми жезлами.
Каждого ждет правильное, грамотное
техобслуживание
и вечная жизнь».
Однажды после дождя
его занесло на мокрой дороге,
и он врезался в дерево у автобусной остановки.
Вокруг лежали пустые поля.
Пришли крестьяне с соседнего хутора
и предложили вызвать скорую
или переночевать у них.
Он отказался.
Грузовик был не застрахован,
он взял его в долг
и почти ничего еще не выплатил.
Всю ночь, пытаясь исправить ситуацию,
он с фонарем лежал под грузовиком,
копаясь в его черных, истекающих маслом
внутренностях.
Утром они опять пришли,
но он уже был мертв,
лежа на спине во тьме под грузовиком.
Крестьяне решили похоронить его за свой счет.
На отпевании священник говорил:
«Ты идешь к Отцу своему Небесному,
который создал тебя по образу своему и подобию.
Он выплатит все твои кредиты,
отдаст все твои долги,
сделает счастливыми всех,
кого ты обещал сделать счастливыми,
и доставит по назначению все твои грузы.

А мы разберем твой грузовик на детали,
продадим их местным автослесарям
и поставим за тебя свечки.
И они осветят тебе дорогу на небеса».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЭЗИИ

пиши о том что волнует
волнуют следы аварий
на бортах автомобилей
волнуют девушки
стоящие вдоль дороги
особенно красивые
думаешь старику на небесах
стоило бы устроить все
немного по-другому
волнует поэзия
поэзия – это сгустки энергии
передаваемые от тела к телу
это стремное дело
с непредсказуемым исходом
чем дольше живешь
тем меньше тебя понимают
но самое интересное
делаешь в одиночку
или вдвоем
ты и я

Михиил Ромм

МОИ ДРУЗЬЯ

Мои друзья почти богоподобны.
Соревноваться с ними? Да куда мне!
Один – под камнем в подмосковной Лобне,
Другой лежит в Малаховке под камнем.

А Тимофеев жарится в Айове,
Лямпорт за жизнь сражается в Нью-Йорке,
И я один. Сердито хмурю брови,
Сижу в Москве, как голубь на помойке.

К чему я это? Мне ворчать не надо —
Меня пока не выбросили в урну.
Вон, Петя Берлянд – на «Каховской». Рядом,
А словно на каком-нибудь Сатурне.

Разводит жизнь, когда выводит в люди,
Довольно насмеялись, нашумелись!
Друзья мои, как птицы разлетелись.
Других уже, наверное, не будет.

* * *

С нашей встречи, друг дорогой,
Пролетело немало лет.
Мы по-прежнему вместе с тобой —
Затянулся наш тет-а-тет.

Сколько прожито слез и мук
И растрчено сил!
Но как будто вчера, мой друг,
Я тебя полюбил.

Помнишь темные вечера?
Платье легкое, тихий двор?
Словно мы обнялись вчера
И целуемся до сих пор.

ПИНГ-ПОНГ В ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ

Белый шарик
скок-скок, —
Два спортивных подростка
Забывчиво, долго и хлестко
Направляют его.
Щелк.
Щелк.
В тишине под соснами, вечером, и
Может быть, с их вершин опускается сумрак и все
Очертанья теряет свои.

Мир закручивает и несет.

Белый шарик все еще виден.
Белый шарик: скок-скок.

* * *

Солнечный луч заблудился в стекле, и
Быются в кристалле, трепещут случайные блики,
«Раннее утро» пылает у Пауля Клее,
Алым пылает навстречу мазок земляники.

В матовом полдне, манящий и сочный мазок,
Что еще нужно, и мы примириться смогли бы:
Куполом белым на сонной воде поплавок,
А в глубине улыбаются хитрые рыбы.

Боль всегда рядом, она, как и счастье, сынок,
Рядом всегда, не грусти о подружке пропащей,
Это для нас расставанья предметный урок,
Прежде, чем нам навсегда раствориться
в лазоревой чаше.

СУСАННА И СТАРЦЫ

Краснеют, молодея, старики,
Она застыла между них невинно,
И падает из розовой руки,
Оранжевое солнце мандарина.

Его встречает гордая ступень,
А он летит над ней неудержимо,
И вслед за ним летит живая тень,
Веревочкой привязана незримой.

Они хотят покинуть полотно,
Они спешат, как будто их догонят,
Вдруг разорвав условное окно.
И падают в открытые ладони.

На улице сугробы намело,
Там холодом клубится выюга злая,
Здесь – в полумраке мандарин сияет,
Еще храня руки ее тепло.

МАРАТ БАБИН

Хочу вам рассказать о скульптуре знакомом,
Здоровался я с ним – он нехотя кивал.
Чудной смешной старик, почти что невесомый,
Как Диоген, огнем меня он освещал.

Он меру нес в себе, не вписываясь в норму,
Жизнь красоте отдав, пожертвовав собой,
Пространство укротить, придав пространству форму,
И был, как глина смят, и вот обрел покой.

Последний солнца луч согреет постаменты
В пустынной мастерской. И что их завтра ждет?
Страна разорена – зачем ей монументы!
В музеях места нет, а жизнь идет вперед.

Причудливо стоят застывшие скульптуры
Творец ушел, ушел, не дав им имена,
Но силою полны – не горбятся фигуры,
Их не страшит огонь, и смерть им не страшна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.